

Возвращённые имена

Огненные вёрсты поэта

Когда отмечают День Победы, часто звучат песни, давно ставшие военной музыкальной классикой

Поэт Михаил Львов читает стихи танкистам

В народе любимы песни «Горячий снег», «Сидят в обнимку ветераны», «Поклонимся великим тем годам». Последняя в исполнении Иосифа Кобзона стала гимном фронтового поколения. Многие знают, что музыку к этим произведениям написала Александра Пахмутова, а вот о том, что стихи принадлежат перу уральского поэта Михаила Львова, к сожалению, помнят немногие.

Родился будущий поэт в 1917 году в Башкирии, в селе Насибаш. И звали его Рафкат Давлетович Маликов (Габитов). Появление псевдонима «Михаил Львов» он объяснял так: одним из самых любимых поэтов Рафката был Михаил Лермонтов, у которого он «взял» имя; а фамилию позаимствовал у великого Льва Толстого.

Родители Рафката были сельскими учителями. Когда мальчику исполнилось восемь месяцев, его мать умерла, а отца вскоре забрала полиция «за распространение запрещённой революционной литературы». Маленького Рафката вместе со старшим братом отправили на воспитание к добрым людям в село Лаклы. С шести лет мальчик работал наравне со взрослыми: пахал землю, косил траву, пилил дрова. При этом хорошо учился в школе и зачитывался творениями русских классиков. Несмотря на то, что родился и вырос в татарской семье, он прекрасно знал русский язык. «Я, татарин стопроцентный, с русской речью на устах», – любил повторять Львов. После школы он поступил в педагогический техникум в Миассе, окончил его, переехал в Челябинск и устроился на тракторный завод. Именно там, в литературном кружке ЧТЗ, он и взял себе звучный псевдоним «Михаил Львов».

В своих воспоминаниях Львов писал: «Я рванулся юношей на ЧТЗ. Хотелось самому участвовать в стройке, работать в цехе, изнутри узнать чувства и думы рабочего человека, постараться выразить их в меру своих сил и, может быть, стать поэтом. Я вспоминаю с благодарностью нашу литкружковскую юность. Нам была выделена в клубе ЧТЗ отдельная комната. Зажились допоздна, обсуждая стихи – свои и классиков, новые публикации в центральных га-

зетах и журналах. Мы жили работой и стихами. Ходили в протёртых до дыр штанах. Когда шли к девушкам на свидание, то надевали костюм, который висел в нашем общежитии – один на всех. Да и у того брюки сзади были протёрты».

Через год Михаил поехал в Москву поступать в Литературный институт. Сдавал экзамены и «за семь дней десять раз был в театрах днём и вечером». «Глотал» музеи, «сидел в Большом театре», как он говорил. Сначала учился заочно, а потом перевёлся на очное отделение. О том времени он вспоминал: «Мы сняли за городом комнату. У нас не было постелей. У меня не было даже осеннего пальто. Спал на газетках. Просыпался на рассвете от холода. Утром шли в ближайший продуктовый киоск, покупали чёрный хлеб и сахарный песок. И вот макашью хлеб в большую жестяную кружку с кипятком, потом в песок – и ешь». Окончание института совпало с началом Великой Отечественной войны.

– Строительство шестой домны объявили Всесоюзной комсомольской стройкой, – вспоминала бывшая комсорг Доменстроя Роза Инкина. – Был создан штаб, в который вошла выездная бригада «Комсомольской правды»: художник А. Карданский, поэты – ленинградец Н. Кутов, москвич А. Кронгауз и челябинец М. Львов. Он был единственным, кого за литературно-журналистскую деятельность на строительстве пятой и шестой домны наградили орденом «Знак Почёта». «Наш штабной писарь Миша» – так называла его молодёжь. Очерки, стихи, поэтическое оформление наглядной агитации, листовки-молнии, сатирические пятиметровые окна «Комсомольского подзатыльника» с подписью «Львов» много значили в борьбе за металл, которого требовал фронт. С гвардейским Уральским добровольческим танковым корпусом Михаил Львов прошёл боевой путь от Орла до Праги. По поручению комсомольского штаба шестой домны я провожала его последним эшеломом на фронт. На ходу поезда он крикнул: «Я вернусь! Передай ребятам привет и спасибо за всё!»

На фронт Львов прибыл в качестве рядового бойца, но быстро «вырос» до офицера связи корпуса и военного корреспондента газеты «Челябинский рабочий». Он стал «летописцем» Уральского добровольческого корпуса.

Товарищи по оружию называли его стихи «танковыми», а его самого «поэтом танкистов»

Челябинский журналист Михаил Фонов писал: «...Если кто хочет знать, каким было поколение, прошедшее через войну, – пусть читает Михаила Львова». Командир добровольческой танковой бригады, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант М. Г. Фомичёв вспоминал о поэте Львове так: «Это был отважный человек. И в атаку ходил с мотострелками, и стихи читал разведчикам, и вместе с сапёрами проходы проделывал в минных полях, и был инициатором сбора трофейного оружия и боеприпасов». В сорок четвёртом году комбриг Фомичёв предоставил офицеру связи Львову краткосрочный отпуск на Южный Урал, чтобы он выпустил сборник своих фронтовых стихов. При поддержке Людмилы Татьяничевой ровно через тринадцать дней сборник «Дорога» был готов. Несколько десятков экземпляров Львов взял с собой, а половина тиража была отправлена на фронт: в посылках вместе с махоркой, шерстяными носками и варежками.

В мае 1984 года возле входа на девятую и десятую доменные печи ММК была открыта мемориальная доска. На ней высечены стихи поэта Михаила Львова: «Эти домы – святыни Уральского края, приносить бы цветы им девятого мая». Люди, близко знавшие Львова, утверждали, что по духу и по судьбе он – магнитогорец, хотя родился и провёл жизнь вдали от Магнитки.

В последние годы Михаил Львов работал в редакции журналов «Юность» и «Новый мир», был секретарём правления Московской писательской организации. Он – автор более сорока книг, заслуженный работник культуры Татарской АССР, Казахской ССР, Польской Народной Республики, награждён орденами Отечественной войны первой и второй степеней, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта», Дружбы народов. Умер М. Д. Львов в 1988 году, похоронен в Москве.

Елена Брызгалова

«Я был убит приснившимся осколком...»

Михаил Львов

На марше, в пути,
когда мы переходили границу
(Это было в полдень.
Дождь на асфальте кипел,
Мы протирали стёкла кабин
рукавицами,
Чтобы лучше видеть Европу,
И перед въездом туда
я опять на тебя посмотрел).

И там, где лежали
под ногами
немецкие артисты
из немецких журналов,
Где ветер шумит,
чужую листву
в чужих садах шевеля,
Где два потока крови
(немецкой и русской)
текут не сливаясь,
Где смотрит на нас
из гранита
чужая земля...

Твоя фотокарточка
всюду была
со мною.
Так будет и дальше –
до самого дня
окончания войны.
Лёгкие нам наполняя
воздухом
танкового боя,
Приходит решительное лето,
и встретиться
скоро мы должны.

1944 г.

Урал

Урал, Урал!.. Заводы. Шахты. Горы.
Страной железа видишься ты мне.
Твои сыны, литейщики, шахтёры,
Себя как дома чувствуют в огне.

С рождения
металлом окружённый,

Уралец –
прирождённый металлист,
А значит, он и воин природный,
И слесарь от рождения, и танкист.

В пороховой окутываясь запах,
Идёт на запад наших танков вал,
И сам Урал подвинулся на запад,
Привдвинул пушки к Пруссии Урал.

Пройдут года
над веком небывалым
Свершат потомки
свой суровый суд.

Железо назовут они Уралом,
И мужество Уралом назовут.

1943 г.

Чтобы стать мужчиной,
надо им родиться,
Чтобы стать железом,
мало быть рудой.
Ты должен переплавиться.
Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.

Какие бури душу захлестнули!
Но ты – солдат,
и всё сумеешь принять
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.

Готовность к смерти –
тоже ведь оружие.
И ты его однажды применил...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

1943 г.

Я смотрел на твою фотокарточку
при каждом удобном случае:
Стоя на танке,
Кладущем клетчатые следы
на чернозём,
Сидя на тюке сена
на летящей на запад платформе,
В госпитале
у переднего края,
Где раненые
лежат на соломе
кругом,
Где я выходил на воздух
плакать о человеческой жизни.
В полях, где мы
убивали врага
И жалели сады под огнём,
В краях, где мы танками
землю вспахали,
Где половина наших друзей
полегла,
Где освобождённые полонянки
посылали нам поцелуи,
А бандеровцы стреляли
из-за угла.
В домах, где матери божии,
окружённые сиянием,
Мне казались
похожими на парашютисток.

Разбитый танк

Металлу, наверное, снится,
Что снова он стал рудой,
Лежит на горе Магнитной,
Бесформенный и молодой;

Что снова идёт он в домну,
И снова проходит прокат,
И движется танком огромным,
И пушкой глядит на закат;

И снова он давит бронёю
И гонит врага вон.
Раскинулось поле боя,
И снится металлу сон.

1944 г.

Я был убит
приснившимся осколком.
Моя невеста плакала вдали.
Она ещё не выплакалась толком –
Уже за ней охотники пришли.

Нет, я тебя, о жизнь, не обвиняю
За то, что ты недолго
помнишь нас.
Такой, как есть, тебя я принимаю
На год, на день, на молодость,
на час.

Меня любила девушка, наверно.
Меня любила девушка. Она
Была, наверно,
мне до смерти верной,
А после смерти верность не нужна.

Прости меня, далёкая, живая,
Что я тебя при жизни ревновал,
Опасности везде подозревая,
Ступить тебе и шагу не давал.

Но в шесть утра
горнисты Измаила,
Как ангелы, трубящие в рая,
Солдата вновь подняли из могилы,
И я опять ревную и люблю.

1945 г.